Легендарная история колонизации Сицилии и Великой Греции

1. J. BÉRARD, La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité: L'histoire et la légende, Paris, 1941

2. J. PERRET, Les origines de la légende troyenne de Rome (281—31 av. n. ère), Paris, 1942

Осмысление и интерпретация легенд, связанных с историей происхождения некоторых италийских племен, с основанием италийских городов и возникновением греческих колоний, представляет значительный интерес в качестве дополнения к тем скудным данным, какими располагает сохранившаяся до наших дней греческая и римская историческая литература и в качестве оживления и одушевления того материала, который во все большем количестве накапливает италийская археология.

В свое время Виламовиц-Меллендорф в рецензии на объемистый труд К. Роберта—«Die griechische Heldensage», представляющий собой свод и анализ древнегреческих легенд и сказаний, писал, что работа над мифологическим материалом, имеющая в виду лишь сведение и контаминацию разноречивых сказаний, без попытки их мифологического и историко-филологического истолкования, не будет стоять на уровне современных научных требований»[1]. С точки зрения этих строгих и высоких требований, предъявленных современной наукой в лице Виламовица исследователю древних мифов, первая из рецензируемых нами книг оставляет желать немалого.

Жан Берар, сын известного французского историка и филолога Виктора Берара, знаменитого своими смелыми, чтобы не сказать фантастическими, идеями в области гомеровского вопроса и связанных с ним исторических проблем, предпринял, вслед за некоторыми итальянскими историками, попытку связать воедино и подвергнуть комплексному анализу данные истории, археологии и мифологии касательно греческой колонизации берегов Сицилии и Южной Италии.

Книга Берара распадается на две почти равных части, из коих первая содержит обзор данных археологии, древней исторической традиции и исторических работ новейших ученых относительно возникновения греческих колоний на берегах Сицилии и Южной Италии. Особенно подробно автор касается халкидской и дорической колонизации (основание Сиракуз, Кум и Тарента). Довольно значительный и свежий материал характеризует пуническую колонизацию в Сицилии, древнейшие судьбы местных племен и их взаимоотношения с колонистами. Этот раздел завершается небольшой главой, удачно суммирующей данные археологии и традиции.

Вторая часть посвящена обзору легендарных данных. Наиболее подробно автор останавливается на Одиссее и других «ностах» (Менелай, Антенор). Специальные разделы посвящены троянской легенде и культу Диомеда, легенде об аргонавтах в западных водах. Весьма подробно и на исчерпывающем материале рассматриваются легенды об основании сицилийских и италийских городов и легендарная история происхождения италийских племен.

Итоговая глава, заключающая этот раздел, суммирует легендарные данные в свете «пелазгического вопроса». В особенности подробно автор останавливается на легендах о происхождении этрусков, японгов и мессапиев.

В небольшой заключительной главе определяется удельный вес легендарного материала по отношению к прочим историческим данным.

История возникновения греческих городов в Сицилии и Великой Греции связана с проблемой критского и балканского догреческого влияния на Западное Средиземноморье, с проблемой греческого эпоса—именно «Одиссеи», связана, наконец, с вопросами происхождения этрусков и других италийских и сицилийских племен, каковы

[1] Wilamovitz-Möllendorf, Die griechische Heldensage, SPAW, 1925.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

элимы, моргеты, сикулы, японги, мессапии, венеты и др. В связи с этим книга Берара вызывает чрезвычайный интерес, и читатель предъявляет к ней соответственные требования. Разочарование постигает его лишь на последнем этапе предпринятого Бераром исследования, а именно в области синтеза древней легендарной традиции и исторических знаний и в области истолкования мифологических данных, с задачей же их сведения и сопоставления автор справился безукоризненно.

Объединение разбросанных по труднодоступным археологическим публикациям исследований о возникновении сицилийских и италийских колоний—само по себе задача чрезвычайно важная и благодарная. Археологические раскопки и разработка системы датировки импортированной в Италию греческой (позднегеометрической и так наз. протокоринфской) керамики внесли значительную ясность в вопросы хронологии древнейшей истории Италии и Сицилии[1]. Прежде всего археологические исследования показали, что греческая колонизация берегов Сицилии и Италии шла впереди финикийской—факт знаменательный, в отношении которого как у древних, так и у новых историков Западного Средиземноморья имеется немало противоречивых данных.

Приоритет финикийской (пунической) колонизации перед греческой ранее не подвергался сомнению[2], и лишь новейшие археологические раскопки показали, что, в противоречии со свидетельствами Страбона и даже Фукидида, такие пункты на о. Сицилия, как Мотия, Соли и Панорм, считавшиеся древнейшими очагами финикийской культуры на острове, не дают материала ранее VII ст. до н. э. К тому же этот материал ни в какой степени не является характерно финикийским, специфически восточным, свидетельствующим о наличии сиро-финикийской культуры,—это та же протокоринфская керамика, те же украшения и металлические изделия, что и в ранних греческих некрополях восточной части Сицилии и юга Италии[3].

Более того, археологический материал, добытый при раскопках древнего Карфагена, также в общем не выходит за пределы VII ст. до н. э.[4]. Этим определяется относительно поздний расцвет пунической культуры в Северной Африке, столетия на полтора отстоящий от традиционной даты основания Карфагена (814 г. до н. э.), которая пока не может быть подтверждена точно датирующимся археологическим материалом.

Археологические данные о финикийско-пунической торговле дают в общем ту же картину—точно датирующиеся предметы финикийского ввоза не восходят глубже VII ст. до н. э. Найденная в Этрурии фаянсовая ваза с именем египетского фараона Бокенранфа (20-е —10-е годы VIII ст. до н. э.) является и по сей день наиболее древним египетским предметом в Италии, проникшим туда, очевидно, через финикийскую торговлю. Тем не менее некоторые исследователи (вроде А. Шультена) не перестают настаивать на глубочайшей древности финикийского проникновения в Испанию и говорить об основании ими Утики в Африке и Тартесса в Испании в эпоху, предшествующую возникновению Карфагена.

Археологические раскопки в Сицилии и Южной Италии подтвердили, в общем, традиционные даты основания древнейших греческих колоний, возникших, как показывает содержимое некрополей, на протяжении второй половины VIII ст. до н. э.

Лишь в отношении Кум, древнейшей из греческих колоний в Западном Средиземноморье, возникших, по сообщению Евсевия, в XI ст. до н. э., данные археологии расходится с традиционными данными, основанными, впрочем, на очевидном недоразумении, ибо эта легендарная дата является не более как отражением сказаний, относящихся к возникновению одноименного греческого города на малоазийском побережье. Археологические свидетельства (керамика позднегеометрического и раннепротокоринф-

[1] См. B. Schweitzer, Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Geometrischen Stills in Griechenland, II, «Athenische Mitteilungen», т. XXXXIII (1918), стр. 5 сл.

[2] A. Holm, Geschichte Siciliens im Altertum, т. I, стр. 192 сл.

[3] J. Bérard, рец. работа, стр. 298 сл.

[4] ВДИ, 1939, № 1, стр. 244 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ского стиля[1]) позволяют отнести возникновение греческого поселения в Кумах к середине VIII ст. до н. э. Кумы, таким образом, не переставая быть одним из древнейших пунктов греческого проникновения в Италию, не выходят из общих хронологических рамок начала греческой, финикийской и этрусской государственности и торговли в западной части Средиземного моря. Столь же древними, как и в Кумах, являются остатки греческой культуры в Занкле (позднее Мессана) на берегу Мессинского пролива в Сицилии, хотя историческая традиция, сохранившая о Занкле немало легенд, называет для освоения ее греками значительно более позднюю дату (по преданию, Занкла была основана сикулами, на языке которых это слово обозначало кривой меч—аттрибут Кроноса, халкидяне же проникли сюда якобы лишь в 20-х годах VIII ст. до н. э.). Между тем совершенно естественно — и современная археология это подтверждает,—что прежде чем проникнуть в Западную Италию, халкидяне должны были обеспечить за собой Мессинский пролив[2].

К выводам Берара о почти полном совпадении археологических данных и исторической традиции следовало бы присовокупить и то немаловажное обстоятельство, что первоначальная греческая колонизация и торговля имели в виду, вероятно, одну лишь Среднюю Италию (Этрурию), привлекавшую к себе греков и, в первую очередь, именно халкидян и коринфян, славившихся как металлурги своими рудными богатствами—бронзой и железом.

Переходя к рассмотрению легендарной традиции, Берар останавливается прежде всего на комплексе мифов, послуживших основанием для «Одиссеи» и для других νόστοι. Основываясь на том, что имена Одиссея (Улисса), Диомеда, Калханта и других эпических героев в мифологическом и культовом отношении связаны глубочайшими корнями с местной италийской почвой, он относит возникновение древнейших сказаний «Одиссеи» ко времени, предшествующему началу греческой колонизации Западного Средиземноморья.

В этом его убеждает также и несогласованность гомеровской географии с реальной географией италийско-сицилийского побережья. Оставаясь, в сущности, на позициях Берара-отца, он вновь подымает, таким образом, наиболее спорный из всех вопросов, связанных с гомеровской проблемой.

За последнее время появились работы, доказывающие догреческое происхождение ряда мифических персонажей и проникновение их в Италию до эпохи греко-этрусского или, тем более, греко-римского культурного общения[3]. Результаты этих исследований как бы подтверждают тезис Берара. Но одно дело—возникновение и распространение мифов и мифологических имен, другое же дело—происхождение определенных эпических циклов, для которых нельзя подыскать более подходящей исторической среды, чем некоторые великие события начальной греческой истории. Так, в частности, «Одиссея» насквозь пропитана свежестью географических впечатлений, полученных греками в эпоху колонизации. Несомненно также, что плаванье в западных морях наложило особенно отчетливый отпечаток на «гомеровскую географию», на которую в более позднее время могли напластоваться также и черноморские впечатления. Нельзя забывать, — некоторые филологи никак не хотят этого понять, — что гомеровская география — это художественная, синтетическая география, которую не приходится отожествлять с географией реальной. Подобные попытки, несмотря на все ухищрения, заведомо обречены на неудачу. Можно говорить лишь об отдельных элементах, штрихах, позволяющих нащупать реальную географическую почву.

В этом отношении небезинтересны сикулы, упоминающиеся дважды в «Одиссее» (XX, 383; XXIV, 211). Гомер, как полагает Гельбиг, а за ним и Максимилиан Майер[4], имеет в этом случае в виду жителей Апеннинского полуострова, а не сикелиотов, ибо

[1] B. Schweitzer, ук. соч., стр. 43.

[2] J. Bérard, цит. соч., стр. 285 и 298.

[3] E. Fisel, Die Erforschung der indogermanischen Sprachen: Etruskisch, Teil 2, 1931, стр. 35.

[4] «Molfetta und Matera», 1924, стр. 298 сл.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в тексте не содержится никаких указаний относительно острова. Факт весьма важный и любопытный, если только для древних читателей эпоса пребывание сикулов на острове не было делом само собой разумеющимся. Однако древнейшее название острова—Sicania не может быть с легкостью идентифицировано с позднейшим Sikelia, как это делают многие из современных историков, отказывающихся различать этнически сикулов и сиканов в Сицилии[1].

Для изучения последовательности напластования реальных данных особенно интересна география аргонавтики, сохранившая значительные детали западного варианта путешествия под видом возвращения аргонавтов по Истру и по Эридану.

Воспоминаниями об этом западном варианте маршрута Язона, об Эйе и о золотом руне в Италии, а не в Колхиде полна местная итало-греческая мифология, приводящая Язона к источникам этрусского металла, в котором так были заинтересованы халкидские, а позднее фокейские колонисты[2].

В книге Берара, во всех подробностях сопоставляющей рассмотренные нами мифологические данные о греческой колонизации и торговле в тирренских и ионическо-адриатических водах, отсутствует, к сожалению, их ясная историческая интерпретация.

Причина коренится отчасти в некоторой противоречивости материала.

В самом деле, должно ли то обстоятельство, что Одиссей-Улисс возможен как догреческий мифический персонаж на италийской почве, мешать истолкованию эпоса «Одиссеи» и Ност) как отображения реального процесса колонизации?

Не являются ли образы Тринакрии, Схерии, Сциллы и Харибды, при всем их несовпадении с реальной топографией Сицилии, Коркиры, Мессинского пролива, поразительным по свежести и яркости отображением западно-средиземноморской природы, фантастически преломившейся в воображении впервые зашедшего в эти воды греческого морехода-колонизатора?

Не следует ли толковать западный вариант мифа об аргонавтах, с его столь отчетливой направленностью к тирренским берегам, как отображение халкидско-фокейской экспансии в области источников металла (бронзы и железа)?

На постановку этих вопросов в рецензируемой книге имеются лишь отдельные намеки. Берар не хочет со всей полнотой, соответствующей полноте подобранных им материалов, выяснить историческое значение того факта, что в представлении Гесиода гомеровская волшебница Кирка производит с Одиссеем на свет Агрия и Латина, «царствующих над всеми тирренами». Не является ли это первое упоминание о среднеиталийских народах также и первым политическим осмыслением греко-италийских взаимоотношений? О том, что это так, свидетельствует, кроме того, использование и развитие греками южноиталийских легенд о Калханте и Диомеде, вбирание местных мифических источников в общую легендарно-символическую струю, освещающую и осмысляющую греческую культурно-колонизаторскую деятельность.

Сказания о Миносе и о критских мореплавателях, колонизовавших Гераклею-Миною и Тарент (Метапонт), могут быть осмыслены исторически привлечением топонимических и археологических данных.

Легенды эти связаны с происхождением племени японигов-мессапиев, населявших в древние времена восточную Апулию и Саллентинский полуостров.

Современные исследования содержат в отношении этих племен много противоречивых точек зрения.

Чрезвычайно затрудняющим и запутывающим дело обстоятельством является то, что еще Геродот и Фукидид (а также Антиох у Страбона) идентифицируют и тех и других или указывают на их этническую общность, в то время как другие свидетель-

---

[1] Одна архаическая надпись из Кротона дает форму Σικανία, которая уже никак не может быть идентифицирована с позднейшей Σικελία—Sicilia.

[2] Одним из наиболее известных этапов плаванья аргонавтов в Тирренском море был о. Эльба (Aethalia), где находился порт Арго (современный Porto Ferraio).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ства производят японигов из Иллирии, мессапиев же—либо с Балканского полуострова, либо с острова Крита.

В связи с этим некоторые современные историки резко различают оба народа, заставляя японигов проделывать путешествие из Иллирии в Италию сухим путем через Истрию или морем через Адриатику, а мессапиев—долгий морской путь с острова Крита или из Пелопоннеса[1].

Какое бы значение ни придавалось элементу миграции, несомненно, что образование племени японигов и мессапиев произошло при достаточно явном иллирийском и эгейском (вернее всего, именно критском) влиянии. Об этом свидетельствуют прежде всего археологические данные, в первую очередь такие, как вызвавшая в свое время большое удивление и долгие споры своеобразная «террамарра» близ Тарента[2], а также присутствие североиталийских и западнобалканских (иллирийских) элементов—преимущественно соответствующей керамики—в других южноиталийских центрах второй половины II тысячелетия до н. э. (прежде всего на поселении Матера и в гротах Мольфетты).

Для рассмотрения этой этнической проблемы должны быть привлечены также и памятники геометрического стиля, представленные прежде всего известным тарентинским кладом геометрической керамики.

Содержание тарентинского клада может быть разбито на две категории, из которых первая составляет керамику местного производства (так наз. итало-геометрического стиля), но повторяющего почти в точности образцы раннегеометрических форм, встречающихся на Балканском полуострове и на островах Эгейского моря. Ближе всего ее можно сравнить с дипилонским и северопелопоннесским геометрическим стилем. Вторая категория отличается от первой не столько формами сосудов, сколько характером росписи. Она более позднего и явно импортного происхождения, за что говорит и материал и изящество техники. Ближайшие ее параллели опять-таки в Пелопоннесе и на о. Крите.

Указанные археологические памятники имеют слишком много балканских (иллирийских и греческих) черт, чтобы их нахождение на юге Италии могло быть объяснено одним только культурным общением с названной страной. Очевидно имело место также и этническое проникновение, происходившее, вероятней всего, сравнительно медленно и несколькими этапами.

Гелланик и Фукидид относят переселение японигов в Италию ко времени до или непосредственно после Троянской войны, т. е. к XIII—XI ст. до н. э.[3].

Если мы согласимся с тем, что образование племени японигов в Италии произошло при участии этнических и культурных элементов иллирийского происхождения, то нам пришлось бы принять несколько более древнюю дату, ибо резкая аккумуляция иллирийских элементов в Апулии начинается не позже середины II тысячелетия до н. э. О том, что проникновение иллиров в Италию было не одновременно и не однородно, можно заключить из того, что за именем японигов скрываются племенные обозначения даунией и пеукетов, культурные и этнические особенности которых мы пока что различить не в состоянии. Японигов со времен Гекатея[4] связывают с северноиллирийскими японами (также японы или японы), указывают на тождественные топонимические данные, равно как и на то, что родственные иллирийским японам хаоны (в Феспротии упоминаются рядом с японигами в Южной Италии в качестве хонов (χῶνες).

Все эти племена, с известной долей условности, принятой уже в древности, мы можем назвать японигскими, связывая с ними те южноиталийские археологические памятники, которые обнаруживают признаки иллирийского происхождения или влияния.

---

[1] E. Pais, Storia della Sicilia, I, стр. 335. M. Mayer, Apulien vor und während der Hellenisierung, стр. 352 сл.; P. Kretschmer, Einleitung in d. Geschichte der griechisch. Sprache, стр. 273.

[2] В. Модестов, Введение в историю Рима, т. I, стр. 142 сл.

[3] Тексты и разбор их см. у M. Mayer'a, «Apulien», стр. 326 сл.

[4] St. Byz. s. v. Ἰαπυγία.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Япигской считает М. Майер и первую категорию вышеназванного тарентинского клада геометрической керамики[1].

Разделять япигов и мессапиев заставляет (помимо Страбонова указания на то, что дорийцы застали на месте будущего Тарента варваров и критян—Strab., VII, стр. 217) прежде всего то обстоятельство, что так наз. мессапийские надписи, относящиеся, кстати сказать, к весьма позднему времени (II—I вв. до н.э.) и насчитывающиеся в количестве до полутора сот, строго ограничены Саллентинским полуостровом, по преданию населенным мессапиями. Язык мессапийских надписей, поскольку он поддается истолкованию, обнаруживает черты сходства с иллирийскими, в частности, с современным албанским (который, впрочем, некоторые лингвисты относят к дериватам фракийско-фригийского языка), а также с северногреческими диалектами[2].

Имя мессапиев, преимущественно топонимически, неоднократно засвидетельствовано в Греции. Фукидид упоминает племя мессапиев в Локриде (III,101). В Беотии показывали гору Мессапий, в Спарте Мессапием называлось небольшое поселение, на острове Крите—река[3].

Несомненно, что название греческой колонии Метапонта «мессапийского» происхождения. На основании вышеприведенных данных обычно заключали, вопреки Моммзену, считавшему мессапиев аборигенами, о их греческом происхождении или о том, что греки были смешаны с пришельцами, перенесшими это имя в Италию[4].

Однако не следует забывать, что имя это могло быть дано греками жителям Саллентинского полуострова по чисто географическому признаку: мессапии—люди, живущие между двумя морями. Могло это быть, как и в случае с энотрами, греческое осмысление какого-либо варварского имени.

Соображения Виламовица не следует отвергать лишь потому, что, как мы убедились, в культуре Апулии периода, предшествующего греческой колонизации, присутствует весьма сильная эллинская струя, представленная прежде всего второй (импортной) категорией геометрической керамики тарентинского клада и импортными поздне-геометрическими сосудами или их местными подражаниями из других южноиталийских некрополей.

Ввиду того, что греческая традиция (и легенда), начиная с Геродота[5] упорно приводит мессапиев (или япигов) с острова Крита в качестве спутников Миноса, высадившихся в Италии вследствие кораблекрушения, мы должны допустить, что в формировании племени мессапиев действительно принимали участие некие носители культуры геометрической керамики, нашедшие дорогу в Италию скорей всего с острова Крита. Эти эллинские пришельцы, смешиваясь с местным населением, от которого до нас сохранились лишь наименования калабров и саллентинов, образовали то племя, язык которого звучит в мессапийских надписях и которое может быть, на тех же условиях, что и япиги, наименовано мессапиями.

Мы задержались так долго на истории происхождения мессапиев потому, что нам хотелось проследить некоторые из путей к разрешению этой проблемы, намеченные различными исследователями на основании новейших археологических, лингвистических и иных данных.

Ж. Берар, группируя эти данные по соответствующим рубрикам, не делает, однако, необходимых сопоставлений и заключений. Он выражает лишь удивление, что племенное наименование мессапии, город Метапонт и гора Мессапий в Беотии, а также город Метапа в Этолии звучат почти идентично.

---

[1] M. Mayer, Apulien, стр. 10 сл.

[2] P. Kretschmer, op. cit., стр. 272 сл. и 278 сл.

[3] Kretschmer, op. cit., стр. 273; De Sanctis, Storia dei Romani, I, стр. 162; J. Bérard, рец. соч., стр .343 сл.

[4] Wilamovitz-Möllendorf, Herakles, I, Einleit., стр. 10.

[5] Herod., VII, 170; критские элементы содержатся в апулийской топонимике: Gaudium (критский Γαῦδος). Leuterni (от Ἐλευθέρνα) и др.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Он приводит весьма ценное нумизматическое свидетельство IV ст. до н. э. в пользу того, что более древняя форма названия города Метапонта была Μέταβον, не делая, однако, никаких сравнительно-топонимических выводов.

Между тем он же, в заключительных словах, посвященных троянской легенде на сицилийской и италийской почве и взаимоотношению истории и легенды, много говорит о пелазгах-тирренах как об общем эллинско-италийском этническом субстрате, предшествовавшем историческому эллинству и латинству, породившем многие сходные явления также и в области мифологии.

Явлениям этого порядка он склонен приписать некоторые черты традиций об элимах, моргетах, япигах, венетах и других италийских племенах, легендарная история которых попала в той или иной степени в орбиту легенды о троянцах или о греческих героях, воевавших под Троей и пришедших затем в Сицилию или Италию. Нам необходимо коснуться хотя бы вкратце и этого весьма интересного комплекса легенд. Удобнее всего это будет сделать при обсуждении второй из рецензируемых книг, специально посвященной возникновению и истории легенды о троянском происхождении древнего Рима.

Книга Перре представляет полную противоположность книге Берара в методологическом отношении. Главной задачей этого объемистого исследования является доказательство положения, что легенда о переселении Энея в Италию и о возникновении из его потомства Рима зародилась в III в. до н. э. в эпоху столкновения Рима с царем Пирром.

Она показывает, как Пирр, провозгласивший себя потомком Ахилла, обратил врагов своих—римлян во врагов своего великого легендарного предка—троян и как римляне приняли эту версию и постепенно развивали ее по мере изменения отношений с эллинским и азиатским миром, сначала как агрессивную по отношению к грекам, позднее как агитационно-покровительственную по отношению к малоазийским варварам; особенно ярко зацвела эта легенда при Юлии Цезаре, призванная создать роду Юлиев славу выходцев из древнего Илиона.

На ряде убедительных примеров Перре показывает политическую подоплеку развития троянской легенды на италийской почве, прокладывая тем самым путь исследования мифологического материала в том духе, как это имел в виду Виламовиц, связавший в свое время древнюю фазу цикла мифов об аргонавтах с образованием и деятельностью Калаврийской амфиктионии[1], одного из древнейших политических объединений в Греции.

Книга Перре весьма интересна, не только как опыт из истории древнеримской идеологии, по-новому трактующий,—в особенности в том, что касается хронологии,—легенду об основании Рима и всех тех италийских племен, генеалогия которых также была связана с легендой о переселении троянцев, но и как опыт истолкования мифологического материала вообще.

Перре рассматривает тему об Энее и троянцах во всей ее географической и исторической широте. Тщательно разбирая источники троянской легенды в Греции (в Эпире, Акарнании, Аркадии), в Северной Африке (в Киренаике и Карфагене) в Сицилии (Сегеста, Эрикс, Элимы), в Сардинии (илийцы-иолайцы), на Апеннинском полуострове (япиги, венеты), он приходит к заключению о позднем (не ранее III в. до н. э) времени возникновения этой легенды и об ее зависимости от традиции, сложившейся в Риме у Фабия Пиктора, Невия, Катона Старшего и у Варрона. Остро и правильно ухватив политическую сущность троянской легенды в Риме эпохи поздней республики, Перре, однако, совершает, на наш взгляд, ряд серьезных ошибок как в области истории этой легенды, так и в отношении ограничения ее значения одними политическими интересами республиканского Рима.

---

[1] Wilamovitz-Möllendorf, Amphiktionien von Kalaureia, «Kleine Schriften», т. I.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Вовсе отрицая древнюю традицию о троянцах в Италии (или вообще вне Малой Азии), идущую от Стесихора, Гелланика, Пиндара, Тимея и др., или элиминируя ее указанием на то, что в этих свидетельствах нет речи об Энее как о вожде пришедших в Италию троянцев, Перре насильственно сокращает время существования легенды, имевшей к тому же гораздо более широкое значение, нежели то, которое он ей приписывает.

Один из основных его тезисов, состоящий в том, что троянская легенда возникла как выражение противоречий между миром латинским и миром греческим, оказывается искусственным и не соответствующим действительности, поскольку, например, ни Варрон, ни тем более греческие авторы, не только не подчеркивают этих противоречий, но, наоборот, привлекают троянскую легенду в качестве доказательства исконного единства греческого и латинского племени[1].

Перре подчеркивает неоднократно, что сказание о троянской войне получило законченную форму и широкое распространение в эпоху греко-персидских войн как выражение противоречий между эллинским миром и миром азиатского варварства.

При всей ценности этого наблюдения, основанием для которого, помимо известного акцента на «фригийских» чертах Париса, Гектора и других троянцев, может служить варварский каталог, все же было бы совершенно немыслимо видеть во всем комплексе троянских мифов только эту тенденцию. Греческий эпос проникнут скорее тенденцией прямо противоположной.

Мир троянский—вся его культура и материальная и духовная—представляет собой до такой степени сколок с греческого, что не может быть и речи о какой-либо внутренней враждебности к нему с греческой стороны.

Греческие мифы о странствованиях Геракла, об аргонавтах и о троянской войне, так же, как и породившая их колонизационная экспансия, были лишены какой бы то ни было национальной исключительности. Наоборот, мы видим, что генеалогические легенды о тех или иных варварских племенах (скифах, фракийцах, иллирах и др.), связывающие их происхождение с мифами о странствиях греческих героев, по идее своей выражают стремление греков видеть и в варварах нечто родственное, связанное с греками происхождением от одних и тех же предков. Именно так, нам кажется, следует толковать и легенды об элимах или моргетах как о переселившихся в Сицилию троянцах, о японгах, пришедших в Италию под водительством Диомеда, или о венетах—под водительством Антенора. Чрезвычайно характерно обстоятельство, что подобные легенды возникали лишь в отношении тех племен, среди которых греки селились в качестве колонистов или с которыми, по меньшей мере, поддерживали тесные торговые отношения. Так же должна быть истолкована и передаваемая Геродотом легенда о происхождении этрусков.

Логическим следствием этой концепции является отрицание автором рецензируемой книги каких бы то ни было черт подлинного историзма в троянской легенде.

За утверждениями о формировании троянской легенды в Греции в эпоху возникновения греко-персидских противоречий следует ряд соображений (стр. 16 сл., а также стр. 419 сл.), настаивающих на отсутствии в греческой мифологической традиции до Гелланика сведений о выселении Энея из разрушенного Илиона. Легенды о движении героя в западном направлении и его культовые места в Айносе, на островах Самофраке, Делосе, Крите, как на этапах пути его следования, по мнению Перре, весьма позднего происхождения—не старше II ст. до н. э. Его не убеждает даже и то, что наиболее ранние изображения Энея, свидетельствующие о глубокой древности легенды, ведущей его на запад, известны на греческих монетах VI ст. до н. э.

Перре глух к тому, что Эней как вождь дарданцев символизирует собою фракийский элемент в Троаде, являющийся бесспорно реальным историко-этнографическим

---

[1] Об этом подробнее см. у B. Niese, «Historische Zeitschrift», IX (1888), стр. 481 «Die Sagen von der Gründung Roms», где дано объективное изложение истории троянской легенды.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

зерном в эпосе. Реальность и значение фракийского элемента в историческом Илионе подчеркивается результатами раскопок Трои, в особенности обликом VII В города, несомненно, находившегося в руках фракийцев-дарданцев, воспоминание о которых, помимо памятников материальной культуры, засвидетельствовано, может быть, в наименовании Скейских ворот эпической Трои, названных так по имени фракийского племени скеев (Strab., XIII, 590), и звучит до сих пор в наименовании Дарданельского пролива[1].

Отрицание древности за легендой, сопутствующей проникновению на запад (в Грецию и в Италию) фрако-иллирийских культурно-этнических элементов, приводит автора к почти полному отрицанию развития легенды об Энее на греческой почве.

Необоснованным представляется нам и почти полное отрицание этрусской стадии развития троянской легенды. Перре признает существование этрусской версии сказания об Энее, но трактует ее как попытку италийской оппозиции Риму «затемнить и заглушить троянскую легенду растворением ее в этрусских источниках» (стр. 468 сл.). Легенда об Энее и троянцах, поставленная в связь с различными италийскими племенами, связывалась также с этрусками. Будучи искажена последующими напластованиями и выдвижением на первый план латинской, точнее римской, версии этой легенды, она приобрела черты, которые не позволяют судить об этрусской ее версии в подробностях.

Во времена Вергилия господствовала традиция, сообщавшая о борьбе Энея и Аскания с этрусками и их царем Мезенцием. Однако более древняя традиция, идущая от Тимея из Тавромения, следы которой сохранились в передаче Ликофрона, сообщала о пребывании Энея в г. Цере и о связи его с царями Этрурии: Тархоном и Тирреном.

Вергилий объединил обе версии: Мезенций, по его рассказу, является врагом троянцев, тогда как этруски—его союзники.

Существенным для замысла Вергилия оказывается то, что этруски выступают под водительством Энея, а не как его равноправные товарищи. Этот факт субординации, естественной в этрусской традиции, в римской должен был отразить совершившееся подчинение Этрурии Риму. Вместе с тем Вергилий, включением этрусков в число сторонников Энея, в противоречии с древнеримской традицией, являвшейся отражением борьбы Рима с Этрурией, выражает тенденцию к примирению двух так долго враждовавших между собой народов. В этом, повидимому, и заключается смысл контаминации обеих традиций, представляющийся, однако, не совсем ясным одному из лучших исследователей Вергилия[2].

По мнению этого исследователя, объединение традиций было выгодным моментом с точки зрения усложнения интриги, моментом, требующим более тонкой характеристики образа Мезенция и мотивации разрыва его с народом; кроме того, рассказ «Энеиды» приобретал таким образом большую убедительность и правдоподобность в том смысле, что военные возможности Энея благодаря этому сильно увеличивались, а это облегчало ему, имевшему в своем распоряжении немногих троянцев и аркадян, борьбу с многочисленными италийскими племенами.

Возможно, конечно, что и эти соображения имели для Вергилия немалое значение, но во всяком случае принятая им версия существенно отличается от Катоновой (дошедшей до нас через схолиаста Вергилия—Сервия), по которой Латин, давший пришельцам землю для поселения и возмущенный затем их претензиями, начинает с ними войну; в качестве его союзников в этой борьбе выступают рутулы под предводительством Турна. Латин погибает в первом же сражении, а Турн возобновляет войну при поддержке Мезенция и этрусков. В дальнейшем развитии этой версии Турн погибает в борьбе, а Эней исчезает. Третий тур борьбы заключает в себе единоборство Аскания с Мезенцием, который и погибает в его результате.

---

[1] L. Malten, Aineias, «Archiv f. Religionswissenschaft», XXIX, стр. 33 сл.
[2] См. R. Heinze, Virgils epische Technik, стр. 175.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Как видим, по этой версии врагами троянцев являются не только этруски в союзе с рутулами, но и латины—ситуация, не повторяющаяся более в позднейших версиях легенды, известных через Дионисия Галикарнасского (I, 57), Юстина (XLIII, 1) и Тита Ливия (I, 1 сл.), где во всех случаях латины уже являются союзникам и Энея и троянцев, при этом Эней закрепляет свой союз с ними браком с Лавинией. Врагами же их оказываются рутулы, союзники этрусков.

Из сказанного явствует, что, в противоречии с этрусской традицией, известной из Ликофрона, в Риме в то время, когда он противопоставил себя латинской лиге и этрусскому владычеству, возникла пересказанная Сервием и восходящая к Катону традиция. Позднейшая ее модификация происходила в направлении объединения троянцев с латинами во вражде и борьбе с этрусками и другими италиками (представленными в легенде рутулами). Если судить по аналогии с легендами об элимах, венетах и японгах-мессапиях, трудно сомневаться в том, что Эней в этрусской версии легенды имел родоначальников этого народа в своей свите. Что эта легенда первоначально могла иметь в виду одних лишь этрусков, выясняется из того, что имя Турн (Turnus)-скорее всего, этрусского происхождения, ибо известно этрусское надгробие с надписью, tite ecnate turns, а также само собой напрашивается сопоставление Turnus — τυρρηνός, сделанное уже Дионисием Галикарнасским и подчеркнутое некоторыми современными лингвистами, в том числе Кречмером[1].

Первоначальные греческие колонисты, следовательно, знавшие в Средней Италии тиррено в, связывали их, как и некоторые другие италийские племена, с легендой об Энее. Связывали они их и с другими греческими героями, примером чему может служить упомянутая уже легенда, зафиксированная Гесиодом, по которой (Theog., 1073) Латин, являющийся царем тиррено в (Гесиод не различал, таким образом, этрусков и латинян), связывается не с Энеем еще, а с Одиссеем. В этих легендах, впоследствии переиначенных и приспособленных римлянами к их политическим тенденциям, фигурировали также Диомед, Менелай и другие герои эпохи Троянской войны.

Что же касается этапов пути Энея с троянцами или Диомеда с японгами, то они, как уже мы в этом имели случай убедиться на примере с этапами западного маршрута Язона и аргонавтов, могут представить собой действительные пути миграций и торговых сношений. Путь венетов через Балканский полуостров, вокруг северной Адриатики, путь Диомеда через Адриатику (остров Тремити) в Северную Апулию может быть не что иное, как действительное воспоминание о путях проникновения в Италию балканских этнических и культурных элементов.

С указанных точек зрения легенда о троянском происхождении Рима и других италийских городов и племен предстает перед нами в гораздо более широком аспекте и имеет несравненно более длинную и содержательную историю, чем это стремится показать в своей интересной книге Ж. Перре.

Л. Ельницкий

J. DAY, An Economic History of Athens under Roman Domination, New-York, 1942, X + 300 стр.

Рецензируемый труд профессора Колумбийского университета Дэя посвящен изучению экономической истории Афин и Аттики на протяжении, примерно, 7—8 веков, начиная с III в. до н. э. и кончая основанием университета в Константинополе в 425 г. н. э.

---

[1] См. об этом у Georgiev'a, «Die Träger der Kretisch-Mykenischen Kultur, «Годишник на Софийския Университет», т. XXXIII, стр. 186 сл., а также рецензируемую книгу Perret, стр. 498, прим. 2.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ